

Чжоу Цзинчэнь замолчал, и лишь спустя долгое время негромко, но веско произнес:

— Прости.

Он затронул болезненные для него воспоминания.

— Ничего страшного, мама ушла из жизни уже больше десяти лет назад.

Шэнь Лянь равнодушно улыбнулся, его взгляд скользнул к окну, но глаза смотрели в пустоту. Чжоу Цзинчэнь, желая лучше узнать его, осторожно спросил:

— Я слышал от деда, что твоя мать умерла от болезни. Что случилось?

— А что еще могло случиться? Мама была такой, что из-за одного мужчины совсем себя не берегла. Глупая, совсем на меня не похожа.

На самом деле, мать была слишком одержима своим чувством. Если бы она тогда проявила хоть немного решимости и отпустила ситуацию, то не довела бы себя до такого финала. Ее характер был типичным для оранжерейного цветка — она не могла вынести ни малейшего удара судьбы.

Общественные устои того времени были таковы: люди предпочитали скрывать позор внутри семьи, нежели решиться на разрыв. Если бы тогда она развелась с этим стариком, то с ее данными точно встретила бы достойного мужчину.

Шэнь Лянь одновременно любил и ненавидел свою мать: злился на ее слабость. Если бы она умела смотреть на жизнь так же легко, как он, то прожила бы ее свободно и счастливо.

В порыве откровенности он высказал все, что было на душе. Чжоу Цзинчэнь слушал его, и на сердце стало как-то не по себе. Значит, теперь он живет прекрасно? После развода с ним?

Он невольно снова взглянул на Шэнь Ляня: и правда, все так и есть. Красивые черты лица, ясный взгляд, весь облик дышит энергией.

Вот уж маленький бессердечный негодник.

Чжоу Цзинчэнь порадовался, что с момента развода прошло не так много времени, иначе, поди, Шэнь Лянь уже и забыл бы, кто он такой.

Заметив, как переменилось лицо Чжоу Цзинчэня, Шэнь Лянь понял, что сболтнул лишнее. Но, поразмыслив, решил: он ведь не сказал ничего неверного, чего ему бояться?

Дальше они ехали молча, храня свои мысли при себе. Когда огни неоновых вывесок за окном стали ярче, Чжоу Цзинчэнь снова подал голос, звучащий отстраненно:

— Ты еще не ужинал, хочешь перекусить?

Шэнь Лянь удивился такой заботе. Нервничая, он не решился посмотреть на него и, окинув взглядом улицу, покачал головой:

— Не стоит. Если тебе не трудно, просто подбрось меня до дома, у меня в холодильнике еще остались продукты.

Раз он так сказал, Чжоу Цзинчэнь не стал настаивать. Достаточно было и этого — он не из тех зануд, что будут уговаривать часами.

На полпути Чжоу Цзинчэню позвонил помощник. Обменявшись парой фраз, он завершил вызов и отвез Шэнь Ляня в Иньцзян Шуфу, а сам вернулся в Баолай за пиджаком.

Дверь в банкетный зал была открыта, гости уже разошлись. Помощник лежал на диване, отдыхая. Чжоу Цзинчэнь взял свой пиджак, почуял запах еды и вызвал Сяо Чжана, приказав ему отвезти помощника домой, а заодно сдать пиджак в химчистку.

После целого дня суеты, включая поездку на кладбище, первым делом по возвращении в квартиру Чжоу Цзинчэнь отправился в душ. Телефон он оставил на крышке унитаза, и когда, выйдя из душа, собрался вытереть его, тот все еще вибрировал.

Мужчина, сделав шаг длинными ногами, мельком взглянул на экран. Обладая феноменальной памятью на цифры, он сразу узнал номер Всемирного банка.

Звонили же днем, почему снова?

— Здравствуйте, я говорю с господином Чжоу Цзинчэнем?

Чжоу Цзинчэнь одной рукой вытирал волосы полотенцем, другой держал телефон и глухо ответил:

— Да, это я.

— Простите, что беспокоим вас снова. Это Всемирный банк. Хотели бы уточнить: десять минут назад с вашей черной карты была списана сумма в пять миллионов, это была ваша личная операция?

Пять миллионов?

Брови Чжоу Цзинчэня сошлись на переносице, образовав складку. Помолчав секунду, он ответил:

— Да, это я.

— Хорошо, спасибо за сотрудничество. Желаем вам приятного вечера, до свидания.

— До свидания.

Завершив звонок, Чжоу Цзинчэнь вышел из ванной, обернутый лишь в банное полотенце. Его лицо, словно высеченное из камня, не выражало ни капли тепла.

Хотя в квартире работали отопление и теплые полы, превращая ее в оазис уюта, сам он выглядел холоднее ледяной пустыни.

Налив себе первоклассной водки, он сел у окна в гостиной и закурил. Лишь после третьей сигареты он почувствовал некоторое облегчение. Бросив взгляд на телефон, лежащий на журнальном столике, он безмолвно набрал номер.

— Босс?

— Проверь историю расходов по моей карте во Всемирном банке.

Мужской голос на том конце ответил почтительно:

— Слушаюсь.

За окном вдали расцветали фейерверки. Отсюда открывался вид на самое высокое здание города и окружающий его деловой квартал — настоящий финансовый центр. Но Чжоу Цзинчэнь привык к этому виду и не находил в нем ничего особенного.

Он дал ту черную карту Су Цзыжаню не просто так. Раньше Су Цзыжань мог годами носить одну футболку за тридцать юаней, а теперь даже самые дешевые вещи на нем были среднего ценового сегмента.

Чжоу Цзинчэнь сжал губы — это был его привычный жест, когда он глубоко задумывался. Если бы все эти годы он жил так плохо, как мог бы измениться его стиль потребления?

047 Хочу поесть того, что приготовишь ты

Разлучившись на несколько лет, как можно надеяться, что после встречи все останется прежним?

Чжоу Цзинчэнь понимал, что даже он сам изменился. А уж Су Цзыжань, который жил за границей в одиночестве, сталкивался с куда большими трудностями — как он мог остаться прежним?

Он по натуре не был подозрительным и хотел верить тем, кто когда-то подарил ему светлые моменты. Но некоторые детали, всплывавшие в поведении Су Цзыжана, заставляли его искать ответы.

Люди Чжоу Цзинчэня быстро собрали информацию о последних тратах по черной карте и отправили отчет на электронную почту.

Водка в бокале была выпита наполовину. Чжоу Цзинчэнь, держа бокал одной рукой, другой просматривал письмо. Содержание впечатляло.

Помимо сегодняшнего снятия наличных в размере семи миллионов пятисот тысяч, до этого Су Цзыжань тратил деньги с этой же карты на повседневные нужды, посещая элитные супермаркеты. Была там и крупная покупка в DCC — международном бренде модной одежды, цены на который не по карману обычному рабочему, не говоря уже о человеке без постоянной работы.

В этом году DCC выпустил весеннюю коллекцию, и одна только покупка Су Цзыжана составила более трехсот тысяч.

Футболка за тридцать юаней в прошлом и брендовая одежда за триста тысяч сейчас — разница была колоссальной.

Чжоу Цзинчэнь, холодно сдвинув брови, дочитал письмо до конца. На душе стало тяжело. В какой-то момент ему захотелось самому заняться расследованием того, как Су Цзыжань жил за границей, но, остыв, он отбросил эту мысль.

Из уважения к прошлому он решил дождаться, пока Су Цзыжань сам все объяснит.

А Су Цзыжань, передав деньги Су Цзяньго, сам был не в себе. Раньше он обманул Цзинчэня, сказав, что берет два с половиной миллиона на бизнес по продаже морских ушек, а теперь за один день снял еще пять миллионов — как это объяснить?

Он хотел как можно скорее залатать эту дыру, но где взять столько денег?

После того вечера Чжоу Цзинчэнь не стал расспрашивать его о деньгах, а Су Цзыжань, чувствуя вину, сам боялся выходить на связь. За это время они созванивались лишь раз, но

никто из них не обмолвился о карте ни словом.

Город А погрузился в сезон дождей. Небо каждый день было серым, и казалось, что этот дождь не прекратится никогда.

Лу Монань из-за погоды то и дело простужался, никак не мог до конца поправиться. И вот, прошлой ночью он встал в туалет, поленился накинуть халат, а утром понял, что болезнь обострилась.

Из-за плохого самочувствия он не мог видаться со своим милым Шэнь Лянем, отчего злился на собственное тело.

Хотя встретиться не удавалось, он часто звонил. С того дня, как он узнал, что Шэнь Лянь не ответил на звонок, потому что был на кладбище у тетушки Гу, нежность Лу Монаня к нему стала еще сильнее. Ему хотелось спрятать Шэнь Ляня в своих объятиях и оберегать от всего мира.

Друзья давно раскусили его чувства и подшучивали:

— Ты сначала сам на ноги встань, а потом уже за амурные дела берись!

Конечно, помимо шуток, находились и те, кто давал вредные советы. Линь И в телефонном разговоре рассмеялся:

— Монань, ну ты даешь! Самое время действовать! Скажи, что болен, пусть Шэнь Лянь приедет, пожалеет тебя. Притворись несчастным, вызови жалость. Жалость — это тоже своего рода чувство. Глядишь, ваши отношения и поползут вверх!

Сегодня помощник ушел на важное совещание, и Лу Монань остался дома один. Лежа в постели, он даже не имел сил ругаться:

— Не могу я так поступить.

Кто он такой? Президент группы компаний Лу, всегда держащий образ нерушимого лидера. Притворяться жалким? Нет!

Но в жизни всегда бывает первый раз.

Шэнь Ляня последнее время мучил один вопрос. Неизвестно когда, но в кругу Чу Ханя начали поговаривать, что Лу Монань за ним ухаживает. Хотя на самом деле, по мнению Шэнь Ляня, это были полные выдумки.

Как он ухаживает? Не признавался, цветы не дарил, в кино не водил. Ах да, он же считает его женщиной.

Чу Хань вчера потыкал его пальцем в лоб и в сердцах сказал:

— Ну ты даешь! Вроде такой смысленый парень, а как дело доходит до чувств — сразу в кусты. Я же говорил, что этот Лу Монань положил на тебя глаз. Видишь, теперь все из его окружения в курсе, приходят ко мне выведывать. Будь осторожнее!

Чу Хань сотрудничал с группой Лу, поэтому был знаком с партнерами Монаня. Мужчины, выпив по рюмке, становятся братьями навек. Вот они и разболтали лишнего.

Шэнь Лянь лишь криво усмехнулся, не придав словам Чу Ханя значения.

Чу Хань, видя его равнодушие, подумал, что у того есть свои планы. Но какие могли быть планы? Что люди говорят — это их дело, он на это повлиять не мог.

— На самом деле, Лу Монань неплох. Если не планируешь всю жизнь быть один, можешь присмотреться к нему.

Именно эта фраза не давала Шэнь Ляню покоя. Там старик намекает на свидания вслепую, здесь друг уговаривает присмотреться к Лу Монаню — почему всех так заботит его личная жизнь?

Шэнь Лянь сидел за рабочим столом и вздыхал. Проект по искусственному интеллекту уже запущен, и сейчас, пока рядовые сотрудники заняты, у него, как у руководителя, появилось свободное время.

События последних дней были ярче, чем за три прошедших года. Даже Чжоу Цзинчэнь приходил на кладбище... что это вообще значило?

Впрочем, об этом он долго не думал. Поступки этого старого мужчины всегда были загадкой. Зато он давно не видел этого улыбчивого тигра Су Цзыжана. У них с Цзинчэнем что-то случилось?

Шэнь Лянь снова вздохнул. Он чувствовал себя таким уставшим, что даже не хотелось узнавать новости о бывшем муже и его «белом лунном свете». Раньше он тайком просматривал соцсети Су Цзыжана, следил за его успехами, а теперь даже не помнит, когда заходил туда в последний раз.

Он отдал Чжоу Цзинчэню всего себя, выжав сердце до капли, и теперь к подобным чувствам был совершенно равнодушен.

Дождь за окном усилился, барабанил по стеклу. Шэнь Лянь смотрел на ливень, погрузившись в свои мысли. На самом деле, ему нравилось, когда идет дождь.

Вдруг телефон в руке завибрировал, раздался звонок. Взглянув на экран, он невольно вздрогнул — звонил Лу Монань.

Шэнь Лянь ответил, но с первого же звука понял, что с тем что-то не так.

— Алло.

— Брат Монань?

— Шэнь Лянь?

Лу Монань проснулся после дневного сна и почувствовал себя еще слабее. Он хотел позвонить помощнику, но, видимо, нажал не ту кнопку.

— Почему у тебя такой слабый голос? Простуда не проходит? — нахмурившись, спросил Шэнь Лянь. Он знал, что тот сильно заболел.

В трубке послышался виноватый смешок, а затем слабый голос:

— Температура упала, стало хуже.

Шэнь Лянь взглянул на часы и спросил:

— Ты ел?

— Ел, только что принял лекарство.

— ...

Шэнь Лянь не нашелся что ответить. Он спрашивал про еду, а тот, видимо, совсем сгорел от температуры.

— Брат Монань, я спрашиваю, ты ел нормальную еду? Если тебе плохо, нужно есть, иначе откуда возьмутся силы бороться с вирусом?

Он говорил тоном врача, довольно убедительно. Лу Монань действительно не помнил, ел ли он сегодня. Утром он сказал помощнику не приходить, если не будет срочных дел.

После слов Шэнь Ляня он вдруг почувствовал, что ужасно голоден. Вспомнив совет Линь И, он тихо, с мольбой в голосе произнес:

— Не ел. Шэнь Лянь, я хочу поесть того, что приготовишь ты.

Гнусавый от простуды голос мужчины прозвучал как-то странно сексуально, у Шэнь Ляня даже

уши запылали.

Сказав это, Лу Монань сам смутился и поспешно добавил:

— Дома никого нет, а доставка невкусная.

Шэнь Лянь невольно рассмеялся — надо же, такой больной, а столько требований.

Лу Монань не хотел давить на него, он хотел, чтобы их общение было естественным.

Шэнь Лянь молчал, не зная, что ответить. Тогда Лу Монань слегка кашлянул и спросил с притворным напором:

— Что, даже больного брата Монаня не покормишь?

Раз уж он назвал себя «братом Монанем», у Шэнь Ляня не было причин для отказа. Как раз заканчивался рабочий день, и он, взяв пальто, ушел пораньше.

Лу Монань прислал ему адрес. Шэнь Лянь спросил, что купить, но тот ответил, что в холодильнике все есть. На самом деле, ему просто хотелось поскорее увидеть его.

Шэнь Лянь ответил: «Хорошо». Лу Монань тут же вскочил с кровати, посмотрел в зеркало — после долгого лежания выглядел он неважно. Но перед тем, кто ему нравится, нельзя быть в таком виде, поэтому он поплелся в ванную.

После душа стало чуть лучше, хотя голова все еще кружилась.

Через полчаса Шэнь Лянь приехал на виллу. Увидев, что Монань все еще лежит, он напоил его водой и отправился на кухню. Никаких лишних разговоров — он был человеком дела.

Кухня была обставлена изысканно, все необходимое было под рукой. Шэнь Лянь достал продукты и принялся за дело. Он был так сосредоточен, что не заметил, как Лу Монань появился в дверях.

048 Этот вкус, я помню (старый мужчина)

Лу Монань держал телефон, направляя камеру на Шэнь Ляня. Тот обернулся и вздрогнул.

— Чего не говоришь, что стоишь там?

Лу Монань лишь улыбнулся. Масло в сковороде зашипело, Шэнь Лянь, бросая туда свинину, спросил:

— Что ты снимаешь?

— Как ты готовишь. На память.

Он смотрел на него не мигая, с такой нежностью, что Шэнь Лянь отвел взгляд и пробормотал:

— Что тут снимать...

— Конечно, есть что! — Лу Монань спрятал телефон в карман и подошел ближе, заглядывая через плечо. — Что готовишь? Так вкусно пахнет.

— Свинину хойго.

Это было его любимое блюдо. Шэнь Лянь решил, что раз Лу Монань сказал «что угодно», то приготовит то, что нравится ему самому.

Добавив пасту из бобов, он перемешал мясо, которое теперь выглядело невероятно аппетитно. Шэнь Лянь, убавив огонь, сделал шаг назад и случайно врезался в стоящего сзади Монаня.

Тот не отступил, а замер на месте, и на его лице проступил подозрительный румянец.

В этот миг он вдохнул свежий аромат шампуня от волос Шэнь Ляня и чистый запах его рубашки. Этот запах мгновенно заполнил его сознание — никакая свинина хойго не могла с ним сравниться.

— Прости, брат Монань, ты в порядке?

Шэнь Лянь осторожно взглянул на него. Лицо Монаня пылало, словно у человека с высокой температурой, но он не решился проверить, горячий ли у него лоб.

— Иди лучше в гостиную, полежи на диване, я доделаю еще одно блюдо и все.

Кухня была просторной, но Шэнь Ляню вдруг стало душно, а атмосфера между ними — напряженной.

Лу Монань внезапно протянул руку и схватил его за плечи. Его взгляд потемнел, Шэнь Лянь снова испугался.

— Брат Монань, ты... ты...

У него даже язык заплетался. Нехорошее предчувствие крепло. Неужели Чу Хань был прав?

— Лянь-Лянь.

Лу Монань всегда был джентльменом и никогда не давил на него. Сегодня он тоже не собирался признаваться, но сейчас был шанс, и он не хотел больше скрывать чувства.

— Лянь-Лянь, ты же должен чувствовать, да?

Его руки были сильными, жар ладоней проникал сквозь ткань рубашки прямо в кожу Шэнь Ляня.

От такого обращения Шэнь Лянь нахмурился. Кто бы мог подумать, что такой холодный человек может так нежно произносить его имя? Чувствовать? Может ли он сказать, что не хочет ничего чувствовать?

С детства вокруг него было много поклонников, но когда речь заходила о Лу Монане, ему становилось не по себе.

Они знали друг друга с детства, но потом жизнь развела их на десять с лишним лет. По правде говоря, детская дружба давно забылась.

Позже Лу Монань появился как друг Чжоу Цзинчэня, вел себя отстраненно, так что неудивительно, что Шэнь Лянь его не узнал. Кто мог связать его с тем ребенком из прошлого?

За последнее время они стали ближе, но Шэнь Лянь никогда не рассматривал Лу Монаня как спутника жизни.

<http://bllate.org/book/22299/2335111>